

С тех пор как Линь Сиси призналась ему в чувствах, она по-прежнему общалась со всеми, но делала это заметно реже.

Чэнь Цянь всё так же пропадавал в игре, пытаясь одолеть босса по имени Чи Му, в надежде, что однажды заветная пасхалка всё-таки выпадет. Обычно пасхалки от NPC открывались при уровне симпатии пятьсот-шестьсот единиц, и даже у одного босса, о котором он читал на форуме, показатель едва перевалил за девятьсот.

Чэнь Цянь с досадой смотрел на цифру 1021. Симпатия росла стабильно — по одному очку в день, так что, если посчитать, до предела оставалось ещё года три. Изо дня в день, в дождь и в зной, с завидным упорством — прямо-таки образец верности, ну или почти.

Если бы он все эти три года добивался другого Чи Му, получилось бы у него?

Всё пропало. Из-за постоянного общения в игре он увяз всё глубже. Раньше он искал лишь замену, а теперь начал позволять себе мечтать о настоящем человеке.

Спросить Чи Му, не станет ли тот испытывать к нему отвращение, было самым безрассудным поступком, который он совершил, будучи подшофе. Ведь Чи Му — стопроцентный натурал. Если он рискнёт выкинуть такое в реальности, перед лицом самого Чи Му... скорее всего, они больше никогда не увидятся.

В средней школе, когда он таскался хвостиком за Чэнь Тянем, он видел девушку Чи Му. Очень красивая, с длинными чёрными волосами, высокая и стройная, в юбке. Она стояла, сжимая в пальцах бледно-розовый конверт, а её щёки пылали румянцем. Позже, когда компания собиралась вместе, все подшучивали над Чи Му, требуя, чтобы он наконец вывел свою пессию в свет.

Он видел, как признаются Чи Му, а Чи Му видел, как признаются ему. Что ж, один — один, ничья.

В последнее время Чэнь Цянь был слишком занят: заходил в игру лишь ради ежедневных бонусов и подарков, после чего сразу выходил. Сегодня дел не было, и он решил выполнить все новые задания, прикидывая, какие ресурсы и предметы ему нужны и как пройти уровни с наименьшими затратами сил и времени.

Он был игроком без вложений, чьим девизом было — пахать до седьмого пота. Стоило войти в игру, как он тут же превращался в солдата: шёл в самую гущу битвы и гриндил до изнеможения.

К тому времени, как Чэнь Цянь завершил все рейды, было уже больше пяти часов вечера. Он отписался друзьям в игре и вышел, собираясь поужинать. В общегитии он был один, остальные куда-то подевались.

Он написал в чат группы, чтобы узнать, где все, но ответа не последовало. Странно, обычно они всегда держались вместе, а сегодня словно сквозь землю провалились.

Желудок предательски урчал, и Чэнь Цянь решил спуститься в столовую. Их комната была на четвёртом этаже, и большинство ребят с его курса жили на соседних этажах, так что почти все были знакомы.

Проходя мимо третьего этажа, он услышал шум и гам — казалось, вот-вот начнётся драка. Вход в коридор с лестницы был перегорожен дверью, за которой скрывались комнаты. Движимый любопытством — ведь наблюдать за скандалом куда интереснее, чем обедать, — Чэнь Цянь заглянул внутрь.

Стоило ему оказаться в коридоре, как он понял, почему никто не отвечал.

Там разгоралась ссора.

Толпа окружила одну из дверей, а в центре стояли Сунь Чэн и Кэ У, которых он не мог найти, и староста. Сунь Чэн, стоявший в первом ряду, покраснел от ярости и, тыча пальцем в сторону комнаты, сыпал проклятиями. Кэ У, нахмурившись, стоял чуть поодаль, а рядом с ним — староста. Тот стоял спиной, и лица было не видно, но обычно такой жизнерадостный, сейчас он хранил полное молчание.

Чэнь Цянь посмотрел на номер двери, чтобы понять, с кем они ссорятся. 305-я. Это же комната старосты.

Староста всегда был добряком, и если уж он дошёл до открытого конфликта с соседями, значит, случилось что-то серьёзное.

Людей было много, протиснуться не удалось, поэтому Чэнь Цянь вытянул шею, наблюдая со стороны. Он долго слушал, но слышал только ругань Сунь Чэна, который проклинал всё подряд, до десятого колена включительно. В комнате же стояла тишина, будто там сидели перепуганные перепёлки.

Поняв, что происходит, Чэнь Цянь перестал волноваться и стал спрашивать у окружающих, что стряслось.

— Не знаю, когда я пришёл, всё уже было так.

Время шло, голос Сунь Чэна начал охрипнуть, но в комнате по-прежнему никто не отзывался. Может, их там вообще нет?

Люди начали расходиться — смотреть на моноспектакль стало скучно. Когда толпа поредела, Чэнь Цянь наконец подобрался ближе и увидел состояние старосты.

Боже, ну как же так? Мужчины не плачут, а этот парень рыдал навзрыд, плечи его содрогались от рыданий.

— Что случилось? Я опоздал всего на минуту, почему он плачет?

— Ребята из его комнаты узнали, что он любит парней, поскандалили с ним и выгнали, — сухо ответил Кэ У, похлопывая старосту по плечу.

— Ты гей? А, нет... я не в том смысле... Слушай, пошли к нам жить, — Чэнь Цянь достал пачку салфеток, которую предусмотрительно захватил из столовой, и она тут же пригодилась.

— Тот тип, У Дунхай, сказал, что боится, как бы староста в него не влюбился, поэтому и затеял ссору. Он что, больной на всю голову? Сам жирный, как боров, а ещё и кривляется, — Сунь Чэна снова прорвало, и он принялся поливать грязью внешность У Дунхая.

— Ты что, такой же, как Юй Ванси? Два мужика, как же это противно! Меня сейчас стошнит. Не заразите нас своей дрянью, забирайте все его вещи! Держитесь подальше от нормальных людей! — дверь комнаты распахнулась, и на пол вылетел огромный баул с вещами. Парень, который это сделал, осыпал их отборной бранью — видимо, слова Сунь Чэна вывели его из себя. Он был с другого курса, и Чэнь Цянь его не знал, но, увидев его вживую, понял, насколько точным было описание Сунь Чэна.

Чэнь Цянь посмотрел на старосту, который стоял, захлёбываясь слезами и соплями. Даже в таком состоянии он выглядел до слёз жалко.

Боится, что в него влюбятся? Друг, ты бы хоть в зеркало посмотрел, прежде чем такое воображать!

Успокоив Сунь Чэна, Чэнь Цянь подхватил вещи и предложил подниматься вверх.

— Пойдём, пойдём, не стоит обращать внимания на таких людей. У нас в комнате как раз есть свободное место, как раз для тебя, староста.

— Перестань плакать, неужели ты из-за такого ничтожества так убиваешься? — ворчал Сунь Чэн, ведя старосту за собой. Неизвестно, помогло ли это, но судя по результату — нет.

Да замолчи ты уже, не видишь, он только сильнее разрыдался? Если бы у Чэнь Цяня были свободны руки, он бы точно дал Сунь Чэну подзатыльник.

Когда они добрались до комнаты, староста немного пришёл в себя, умылся и начал разбирать вещи.

Было уже поздно, столовая закрылась, и Чэнь Цянь заказал доставку на четверых, вызвавшись помочь с постелью. Сунь Чэн взялся открывать большой красный клетчатый баул, но, стоило ему заглянуть внутрь, как он снова вспыхнул от ярости. Чэнь Цянь, вытиравший кровать, вздрогнул и выглянул наружу.

Мать честная! Одеяло внутри было мокрым насквозь, вода даже не успела впитаться. Ну ничего себе, эти твари из его комнаты решили окончательно лишиться человеческого облика, раз залили чужие вещи водой.

Чэнь Цянь тоже вскипел. Он переглянулся с Сунь Чэном, и им не нужны были слова: оба сорвались с места и помчались вниз, крушить дверь.

Гомофобию ещё можно было понять, но портить чужие вещи — это уже перебор.

<http://bllate.org/book/21366/2176009>